

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Лю Инь на тему
«Творческая эволюция Е. А. Нагордской
в контексте идейно-эстетических исканий 1910-х годов»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филоло-
гических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература**

Диссертационная работа Лю Инь привлекает прежде всего масштабностью замысла и исполнения. Забытое на многие десятилетия и возвращенное в 1990-е годы творчество Е. А. Нагордской впервые становится не только предметом специального внимания, но объектом многостороннего и тщательного анализа, – уже это дает основание говорить о *научной новизне* исследования. В соответствии с заявленной темой творческая эволюция писательницы рассматривается в контексте идейно-эстетических исканий русской литературы 1910-х годов. Творчество Нагордской диссертантка интерпретирует как оригинальное явление, утверждая его заповедность массовой беллетристике, представленной именами А. А. Вербицкой, Л. А. Чарской и др. Автор руководствуется намерением вывести имя писательницы «из сферы принадлежности к массовой культуре и вписать его в парадигму модернистских или “пограничных” между реализмом и модернизмом исканий XX столетия» (с. 6 автореферата). Предпринятое в диссертационном исследовании переосмысление историко-литературной репутации писательницы определяет его *актуальность* и *научную значимость*.

Диссертационную работу Лю Инь можно квалифицировать как продуманное, логически стройное исследование, все главы которого органично связаны и взаимодействуют между собой. Первая глава посвящена философской проблематике и художественной антропологии романов «Гнев Диониса», «У бронзовой двери» и «Злые духи». Во второй главе показано, как в произведениях Нагордской (в романах «Белая колоннада», «Борьба микробов», в рассказе «Аня» и написанной в форме жития повести об Олимпиаде-деве) воплощаются масонские идеи писательницы. В третьей главе в центре внимания оказывается малая проза, которая рассматривается в связи с идейно-художественными тенденциями эпохи с позиций того, как убеждения писательницы преломляются в художественной структуре ее произведений.

Во введении, рассмотрев особенности восприятия Нагордской в критике и литературоведческие оценки ее творчества, диссертантка артикулирует свои исследовательскую позицию. Введение насыщено фактическим материалом и плодотворными наблюдениями, которые позже получают подтверждение в анализе конкретных произведений. В частности, касаясь отношения Нагордской к феминизму, диссертантка справедливо пишет о том, что феминистские идеи не всегда получали поддержку в женской пи-

сательской среде (с. 7 диссертации). В этом смысле можно говорить о том, что Нагродская продолжала традицию, определившуюся уже во второй половине XIX в., когда феминистские установки вызывали у авторов-женщин не только поддержку, но и отторжение, во всяком случае – на вербальном уровне (наиболее ярко это заявлено в творчестве Н. Д. Хвоцинской). Обладающее большим научным потенциалом введение демонстрирует широту историко-литературного мышления автора, но некоторые заявления вызывают вопросы, например, фраза о том, что классическая литература не приемлет дидактики и нравоучительного тона (с. 47 диссертации). Но как в таком случае быть с классиком Л. Н. Толстым? Замечу также, что фактическая насыщенность порой оказывается избыточной, так, на мой взгляд, излишне расширена персональная репрезентация писательниц-современниц – Е. Летковой, З. Гиппиус, А. Мирэ, Анны Мар, Л. Зиновьевой-Аннибал и др. (с. 13–36 диссертации), которая носит реферативный характер и потому могла быть сокращена, что несколько уменьшило бы и объем диссертации. Однако это частности, главное же, обоснованность отчетливо выраженного намерения выяснить, в чем заключалось художественное новаторство Нагродской, и переопределить место писательницы в литературной иерархии. Это становится стержнем работы и определяет пафос пересмотра, стимулирующий исследовательскую мысль. Намеченная стратегия последовательно реализуется в каждой из глав.

В первой главе динамика творческих исканий Нагродской рассматривается через сопричастность ее ведущим идейно-художественным тенденциям Серебряного века: интерес к античности, увлечение философией Ф. Ницше, обнажение вопросов пола, внимание к концепции О. Вейнингера, распространенность феминистских воззрений. Диссертантка выявляет сложный процесс усвоения писательницей принципиальных установок символизма и вместе с тем полемического отталкивания от них. Как показано в работе, особенно актуальны для Нагродской были категории аполлонизма и дионисийства, связанные с оппозицией красоты и безобразия, добра и зла. В каждом из разделов главы анализируется преемственность развития этой проблематики от романа к роману, диссертантка прослеживает, как авторская мысль выкристаллизовывается и проявляется в художественной системе произведений.

Особого внимания заслуживает анализ романа «У бронзовой двери», который рассматривается как продолжение романа «Гнев Диониса». Диссертантка считает, что здесь по-другому разворачиваются обыгранные в первом романе сюжетные коллизии и более отчетливо артикулируется развенчание дионисийского и утверждение аполлонического начала. В романе «У бронзовой двери» действительно аккумулярован целый комплекс проблем, актуальных для модернистской эпохи: андрогинность, гомосексуальность, безумие, разочарование в возможности социальных преобразований и др., но одной из главных является проблема власти человека над

человеком. Развитие сюжетных коллизий и в разной степени вербализованная позиция персонажей выявляют разные ипостаси этой власти. Как одна из форм власти показана власть любви – на этом основаны отношения одного из центральных персонажей романа – Тони – к его матери, а также отношение к Тони его сестры Маргариты. Идеологом власти красоты является Тони, обладающий редкостной красотой и наделенный силой притягивать к себе людей и обвораживать их. Особой формой власти оказывается жестокость, идеологом которой выступает персонаж по фамилии Салунов. Тони развенчивается в диссертации как носитель «безнравственности» (с. 79), авантюрист (с. 80), по вине которого гибнут другие люди. По словам диссертантки, именно через образ этого героя в романе происходит развенчание дионисийского культа. Но возможно и другое прочтение персонажной системы романа. Думаю, что в работе не уделено должного внимания образу ожиревшего псевдо-Мефистофеля Салунова, который по сюжету испытывает плотское влечение к Тони, на идейном же уровне является его своеобразным двойником. Во внешней противопоставленности Тони и Салунова наглядно проявляется оппозиция красоты и безобразия, хотя в своем стремлении к власти над другими они оказываются близки. Однако, на мой взгляд, образ Тони менее однозначен, чем это показано в работе. Герой требует честности в отношениях между людьми, честен и по отношению к себе, признавая, что и ему не чужда жестокость, трогательно заботится о животных, отвергает плотскую любовь и не понимает истинной причины влечения к нему Салунова и Бадарина. Гармонизирующее аполлоническое начало в образе Тони подчеркнуто его преображением во второй части романа: он стал спокойнее, сосредоточеннее, «солиднее» (с. 150 романа). Разрушительное дионисийское начало в большей степени связано с безудержным в своих страстях, внутренне опустошенным Салуновым, который замышляет убийство Тони как средство обладания им, подчинения его себе, т. е. власти над ним. Отсутствующий финал, который трактуется в работе как «осознанное художественное авторское решение» (с. 77), наверняка снял бы мои разногласия с диссертанткой.

Сосредоточенность автора диссертации на женственном образе Тони уводит ее от омужествленного образа Маргариты, в портрете которой акцентированы мужские черты: ее фигура «скорей напоминает юношу, чем девушку (с. 5 романа), а прическа «еще более придает ей сходство с мальчиком» (с. 6). В этом романе иначе, чем в «Гневе Диониса», распределяются роли феминизированного мужчины и маскулинизированной женщины, но в работе это остается без объяснения.

Несмотря на высказанные возражения, считаю несомненным достоинством диссертации актуализацию романа «У бронзовой двери» и его органичное включение в историю творческого развития писательницы и в контекст идейно-эстетических исканий русской литературы 1910-х годов. Особенно отмечу чрезвычайно интересную трактовку названия романа, ко-

торая становится понятна только благодаря истолкованию его символического смысла. Интерпретируя образ бронзовой двери, можно было бы еще обратить внимание на деталь, фигурирующую в тексте романа, – рубины, украшающие дверь (с. 77 романа). Возможно, обращение к символике рубина дополнило бы комментарий к названию романа и его ключевого образа.

Разносторонне аргументированная мысль об отрицании писательницей дионисийского начала как основы жизненного поведения получает последующее развитие в анализе масонской основы ее произведений. Вторая глава работы особенно интересна, потому что здесь сделана попытка обнаружить масонскую «подкладку» целого ряда произведений Нагродской. Не вызывает сомнения, что масонские убеждения писательницы проявились в романе «Белая колоннада», – на это обратила внимание А. М. Грачева, выявившая в произведении аллегорический масонский пласт. Предпринятый в диссертации скрупулезный анализ текста, дает еще более полное представление об истинном содержании этого романа. Как пишет диссертантка, в масонстве писательницу привлекал его «гуманистический смысл <...> способный “излечить” человека от слабостей, освободить от порочных намерений» (с. 108). Не имея возможности называть вещи своими именами, Нагродская использует систему иносказаний. Таинственностью овеян образ героини по имени Ксения Несторовна Райнер, которая наделена некой высшей мудростью. (Попутно замечу, что в русской литературе уже был персонаж по фамилии Райнер – герой антинигилистического романа Н. С. Лескова «Некуда»). Лю Инь убедительно показывает, что масонская подоплека романа проявляется не только в использовании масонской символики, но в изображении путей приобщения к учению и взаимодействию персонажей по масонским моделям. Однако это единственное произведение Нагродской, в котором появляются иносказательные намеки на масонское учение, организацию и принадлежность к ней отдельных персонажей.

Вместе с тем диссертантка впервые ставит своей задачей расширить круг «масонских» произведений писательницы, пытаясь прочитать некоторые через масонский код. Смелость исследовательницы можно только приветствовать. Предложенные в диссертации трактовки в целом достаточно убедительны, но способ репрезентации материала порой вызывает возражение. В частности заявления, для которых, на мой взгляд, нет достаточных оснований. Так, о героине рассказа «Аня», который рассматривается как «черновой вариант» масонской идеи, в диссертации сказано: «Аня, по мысли автора, имеет в себе потенциал носителя масонской этики. В ней воплощаются такие высокие душевные качества человека, как милосердие, терпение, стойкость, отзывчивость, чувство долга перед домочадцами» (с. 116). Но разве нельзя сказать то же самое о Соне Мармеладовой, например. Однако это не делает ее потенциальным носителем масонской этики. Далее о той же Ане диссертантка пишет: «...образом Ани Е. А. Нагродская одно-

временно дает понять, что идея самопожертвования является важным звеном масонской доктрины» (с. 117). И по этому поводу можно привести контраргумент: не является ли идея самопожертвования одной из гендерных констант в изображении женских персонажей в русской литературе? Определение героини рассказа как «девушки-масона» (с. 150) представляется излишне категоричным. Не буду далее развивать эту тему, скажу лишь, что подобные неувязки можно рассматривать как следствие некоей подмены, когда не вполне очевидный тезис принимается как безусловный. И дело здесь не в диссертационной концепции, которая, как уже говорилось, достаточно отчетлива и стройна, а в вербальной категоричности, которая не вполне уместна в подобных построениях. В перспективе было бы очень важно выявить автодокументы Нагродской, которые могли бы составить необходимую источниковую базу (впрочем, не знаю, возможно ли это).

Наблюдения и выводы, сделанные в первых главах, подкрепляются и дополняются материалами третьей главы. Проблематика малой прозы Нагродской рассматривается в контексте идейных и художественных исканий писательницы изучаемого периода. Исследование обогащается не только расширением литературного фона, но и за счет выявления гаммы художественных приемов, хотя и свойственных другим авторам, но приобретающих особую окраску под пером Нагродской. Убедительно проанализирована полемика с установками радикального феминизма в таких рассказах, как «За самоваром», «Смешная история», «Чистая любовь» и др. Особенно ярко показана многоаспектность антисимволистского дискурса в рассказах Нагродской, в частности пародирование модели символистского жизнетворчества, разработанной в повестях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (с. 182–190). Всяческой поддержки заслуживают и ценные наблюдения диссертантки по поводу художественного осмысления писательницей популярного мифа о Золушке, который, как это справедливо отмечено в работе, и поныне тиражируется в массовой культуре. Травестирование этого сюжета в рассказе «Сандрильона» дает Лю Инь основание дифференцировать творчество Нагродской и произведения «массовой бульварной литературы» (с. 194). Специальное внимание в главе уделено функции фантастики в малой прозе Нагродской, которая включается в широчайший литературный контекст. Лю Инь прослеживает влияние готической традиции, называя Нагродскую в числе писательниц, создававших «женский вариант» готики (с. 209). (Замечу в скобках, что диссертантка отсылает к работе современной исследовательницы, которая находит готические черты в творчестве писательницы первой половины XIX века Е. А. Ган, но гораздо с большим основанием в этой связи можно говорить о произведениях Н. А. Дуровой). В целом же в этой главе так много интересных находок, что ее содержание могло бы стать предметом отдельного разговора.

Присущий автору диссертации пафос пересмотра, изменения историко-литературной репутации Нагродской мне глубоко импонирует. Но, думаю, что попытка повысить реноме писательницы не должна сопровождаться излишними похвалами в адрес ее художественного мастерства, потому что многие анализируемые в работе приемы были вполне обычными, чтобы не сказать трафаретными. Не вполне уместными представляются ремарки типа «она тонко почувствовала» (с. 122), когда речь идет об изображении «фальшивого типа новой женщины» (известно, что такие лжеэмансипантки были уже персонажами литературы второй половины XIX века). Это касается и сделанных в работе замечаний историко-литературного характера. Так, диссертантка видит новаторство Нагродской в том, что до нее в русской литературе пороки были присущи персонажам из аристократической среды, «а простые люди обладали высокой нравственностью», писательница же показывает, что и «в мире простых людей так же укоренено зло» (с. 129). Для корректировки этого суждения достаточно вспомнить, например, пьесу Л. Толстого «Власть тьмы» или такие рассказы Чехова, как «В овраге» и «Бабы». Педалирование в работе неочевидных моментов тем более излишне, что диссертантке удалось вполне аргументированно показать, в чем действительно заключалось своеобразие писательницы, – об этом внятно сказано в положениях, выносимых на защиту (с. 7–8 автореферата).

Пolemические положения моего отзыва ни в коей мере не снижают достоинств диссертационной работы. Она демонстрирует зрелый профессиональный подход, взвешенность исследовательской позиции, широту научного кругозора ее автора. Важным достоинством работы является научность без натужной наукообразности, современный уровень постановки и решения проблем сочетается с ясностью и точностью языка. Профессионализм работы подтверждается привлекаемым контекстом, разнообразием и полнотой включенных в исследование художественных, философских, культурологических источников (библиография использованной литературы содержит 248 позиций).

Практическая значимость работы несомненна. Очевидно, что основные положения диссертации могут быть использованы в общем курсе истории русской литературы рубежа XIX–XX веков, в специальных курсах по творчеству русских писательниц Серебряного века, в курсах, посвященных жанровому составу русской литературы 1910-х годов, а также в междисциплинарной практике. Материалы диссертации будут необходимы в комментаторской работе при републикации произведений Нагродской, их можно рекомендовать для включения в учебники и учебные пособия по соответствующим дисциплинам.

Научные положения и выводы диссертации обоснованны и достоверны, они убедительно изложены в автореферате и отражены в двенадцати

ти публикациях (четыре из них в изданиях, рецензируемых ВАК РФ), в полной мере представляющих проблематику и содержание диссертации.

Диссертационная работа Лю Инь на тему «Творческая эволюция Е. А. Нагорской в контексте идейно-эстетических исканий 1910-х годов», является самостоятельной научно-квалификационной работой, соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 года.

Лю Инь безусловно заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
научно-исследовательского Центра
тверского краеведения и этнографии
Тверского государственного университета

Е. Н. Строганова

